
Рѣчь при гробѣ раба Божія, протоіерея Александра (Боголюбова).

Когда люди въ надгробныхъ рѣчахъ воздають похвалы умершему съ горделивою цѣлью показать, что почившій не таковъ, какъ прочіи человѣцы, то они несомнѣнно нарушаютъ покой усопшаго. А церковь, между тѣмъ, многократно вопіетъ въ надгробныхъ моленіяхъ: „упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего“. Когда люди возлагають вѣнки на гробъ, а на лентахъ пишутъ различныя надписи, а въ этихъ надписяхъ стараются что-то и кому-то показать, кого-то въ чемъ-то даже упрекнуть, то душѣ умершаго причиняется страданіе. Она жаждетъ молитвы, любви, смиренія, а ей живые люди расточаютъ похвалы, почести, дѣлають останки умершаго какимъ-то „знаменемъ пререкаемымъ“. Вотъ почему святые люди, боясь почестей при жизни, боялись ихъ и послѣ смерти. Преп. Ефремъ Сиринъ въ предсмертномъ завѣщаніи своемъ просить, чтобы не хоронили его съ почестями. „Возьмите меня на плеча и бѣжите бѣгомъ со мной и бросьте какъ человѣка отверженнаго... О, если бы кто показалъ вамъ дѣла мои! Вы стали бы плевать на меня. Истинно, если бы могъ быть замѣченъ запахъ грѣховъ моихъ, вы убѣжали бы отъ смрада Ефремова“.

Поэтому, бр., я нахожусь въ смущеніи. Много нужно хвалить усопшаго раба Божія, протоіерея Александра за его добродѣтель: неподкупную честность, изумительное трудолюбіе, всегдашнюю трезвость и воздержаніе, скромность и христіанское смиреніе, благоговѣйность въ священнослуженіи,

благожелательность ко всѣмъ. Но какъ бы этими похвалами не потревожить смертный покой усопшаго! Что же намъ дѣлать? Сдѣлаемъ то, что заповѣдуетъ намъ св. ап. Павелъ. „Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе; и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ“ (Евр. 13, 7). Вспомнимъ и мы нашего наставника добрымъ словомъ для того, чтобы подражать его вѣрѣ и его добродѣтелямъ. Я говорю: „наставника нашего“, ибо 35 лѣтъ тому назадъ и я, и многіе питомцы Рязанскаго духовнаго училища имѣли покойнаго своимъ наставникомъ.

Почившій былъ сыномъ сельскаго пономаря. Этимъ, бр., все сказано. Стало быть, крайняя нужда, бѣдная сельская изба, которая вся трясется въ зимнюю вьюгу отъ вѣтра, скудная пища, плохая одежда—вотъ какова была обстановка дѣтства покойнаго, каковы его первыя впечатлѣнія. Все это было и продолжалось и во время обученія въ школѣ. Тогда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не было ни формъ, ни блестящихъ пуговицъ, мало знали тогда и то, что такое бѣлый хлѣбъ. Если во время моего обученія, т. е. въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, мы ходили зимой въ валеныхъ сапогахъ съ подшитыми валеными подошвами, а въ зимнія сумерки, сидя у топившейся печки, жарили въ ней черный хлѣбъ, чтобы утолить свой голодъ, то что было въ пятидесятыхъ годахъ, когда обучался покойный! Для сына сельскаго пономаря въ эти годы, можетъ быть, и валеные сапоги были роскошью, а жизнь вообще шла впроголодь. Конечно, путешествія домой на каникулы совершались пѣшкомъ и даже въ половодье, на Пасху, съ опасностью для здоровья и жизни...

Оконченъ, наконецъ, курсъ семинаріи въ 1860 году, и молодой студентъ¹⁾ семинаріи Александръ Боголюбовъ осенью

¹⁾ Покойный окончилъ курсъ первымъ студентомъ и не пошелъ въ академію только по слабости здоровья.

Этого года становится учителемъ Рязанскаго духовнаго училища. Какъ памятно мнѣ это училище въ семидесятыхъ годахъ,—этотъ длинный, бѣлый корпусъ, вытянувшійся по Болдаревской улицѣ! Трудная была тогда жизнь и учеба учениковъ, трудная была жизнь и учителей. А въ шестидесятые годы она была еще труднѣе. Да будетъ хвала и вѣчная память всѣмъ, кто потрудился за это время надъ обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей духовенства! Это были, несмотря на свое среднее образованіе, настоящіе знатоки своего дѣла, истинные подвижники. Они вкладывали всю душу въ свое учительское дѣло, получая за него очень скудное вознагражденіе. Достаточно сказать, что нѣкоторые преподаватели древнихъ языковъ съ лучшими учениками разговоръ вели на изучаемомъ языкѣ. Однимъ изъ такихъ подвижниковъ—учителей и былъ покойный, посвятившій дѣлу школьнаго учительства двадцать пять лѣтъ самой первой и самой лучшей поры своей жизни.

За архіерейскимъ домомъ, надъ обрывомъ, откуда открывается восхитительный видъ на далекіе, зеленые луга, которые въ половодье превращаются въ безбрежное море, стоитъ маленькая церковка съ двумя главами. Это—церковь св. Духа. Памятна мнѣ эта церковка. Насъ, учениковъ училища, водили въ эту церковь въ лѣтнее время ко всенощной. Тамъ есть двѣ каменные пристройки съ двухъ сторонъ, и насъ ставили рядами въ этихъ пристройкахъ. Я въ дѣтствѣ не любилъ города и скучалъ по деревнѣ. А тутъ, бывало, стоишь во всенощную тихимъ майскимъ вечеромъ, двери въ ограду отворены, оттуда льется запахъ свѣжей травы и майской зелени, перемѣшивается онъ съ дымомъ кадилнымъ, и птицы въ оградѣ весело чирикаютъ, и чудится бывало, что стоишь у себя, въ деревенской церкви... А изъ церкви доносится тихій и благоговѣйный голосъ священника, да старческій, дрожащій голосъ древняго—древняго псаломщика. Этимъ священникомъ съ тихимъ, благоговѣйнымъ голосомъ былъ почившій о. Александръ. 4 декабря 1860 года посвященъ

онъ былъ преосвящ. Смарагдомъ къ церкви Св. Духа и двадцать пять лѣтъ прослужилъ при ней.

Заглянемъ и въ домашнюю жизнь покойнаго о. протоіерея. Вся она полна была труда постояннаго, упорнаго, настойчиваго. Да въ первые годы покойному въ теченіе дня и дома-то побыть было некогда: до обѣда въ училищѣ, а вечеромъ—по частнымъ урокамъ. Теперь почти никто этого не помнитъ, а было время, когда покойный ежедневно являлся въ Гимназическій Пансіонъ и тамъ просиживалъ отъ 6 до 9 часовъ вечера, репетируя гимназистовъ по древнимъ языкамъ. И свои дѣти учились, и нахлѣбники—ученики были, нужно было и съ ними призаняться, а тамъ ученическія тетради... Очевидно, домашней жизни и семьѣ покойному приходилось очень мало удѣлять времени.—Все это время было отдано дѣламъ, службѣ. Попробуемъ бѣгло просмотрѣть послужной списокъ покойнаго за 52 года его службы: учитель духовнаго училища, священникъ сначала безприходной церкви, а потомъ и приходской съ церковными службами, требами, хожденіемъ по приходу, членъ училищнаго правленія, а потомъ и семинаріи, учитель и законоучитель сиротскаго женскаго училища, законоучитель Маріинской женской гимназіи, членъ всевозможныхъ епархіальныхъ комитетовъ, депутатъ на губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, въ городской думѣ, членъ Братства св. Василія и Миссіонерскаго Совѣта, благочинническаго совѣта, Епархіальнаго попечительства, уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ, предсѣдатель Отдѣленія по этимъ же школамъ, предсѣдатель Совѣта Епархіальнаго Женскаго училища, цензоръ духовныхъ книгъ и изданій. Какъ могъ выносить такіе труды этотъ человекъ съ хилымъ и слабымъ тѣломъ! Но, стало быть, сильный духъ обиталъ въ этомъ хиломъ тѣлѣ.

1 ноября 1910 года исполнилось пятидесятилѣтіе службы почившаго, а 4 декабря—и пятидесятилѣтіе священно-служенія. Никто не зналъ про эти дни, а самъ покойный, по своей скромности, никому не сказалъ про это. Случайно узнав-

ши объ этомъ, я отправился 1-го ноября, дождливымъ, осеннимъ вечеромъ поздравить своего бывшего учителя. Онъ былъ очень радъ приходу своего ученика, очень оживился и вспоминалъ прошлую жизнь.

Грустно намъ, бр.—хр., что уходятъ отъ насъ старинные люди, стариннаго воспитанія, крѣпкихъ старинныхъ убѣжденій; умѣли эти люди терпѣть нужду и лишенія, умѣли трудиться, вѣрить и молиться.

Исполнимъ же до конца слово апостола: „и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ“. Да, будемъ подражать вѣрѣ почившаго, которая особенно проявилась въ кончинѣ его. Долговременный недугъ свой онъ переносилъ съ терпѣніемъ, почти съ радостью. За недѣлю предъ смертью онъ причастился Св. Таинъ, за три дня принялъ таинство елеосвященія. Предъ самою смертью все крестился, старался достать крестъ на груди, приложился къ наперсному священническому кресту, который ему подали, далъ приложиться къ нему стоявшимъ около него семейнымъ, благословилъ ихъ всѣхъ, и душа его тихо отлетѣла отъ тѣла.

Милосердый Господь да упокоить душу почившаго во царствіи Своемъ, а насъ, окружающихъ его гробъ, да научить и укрѣпить подражать вѣрѣ его. Аминь.

Свящ. С. Соколовъ.